

Нѣчто о елкѣ.

Устроенная въ думскомъ залѣ 4-го января елка для бѣдныхъ дѣтей доставила имъ существенную пользу, въ видѣ подарковъ, и немножко удовольствія... Но она была несомнѣнно глубоко поучительна и интересна для взрослыхъ и очень жаль, что, кромѣ распорядителей, взрослыхъ въ думѣ почти не было. Тѣ-же, которые были, несомнѣнно ушли изъ думы въ грустномъ настроеніи...

Однимъ изъ первыхъ явился на елку человекъ нѣкій, по имени Андрюшка, отъ роду имѣющій 6 лѣтъ. На ногахъ у него были полуразвалившіяся валенки — „мамины“, и маленькія, искривленные рахитомъ ноги Андрюшки болтались въ валенкахъ, какъ песты въ ступахъ. Животъ у Андрюшки огромный, выпятившійся впередъ, вздутый. Очевидно, Андрюшка ѣстъ много, но не питательно. Нижняя челюсть у него кривая, ротъ тоже кривой, крупные, неправильные зубы не покрываются безкровными губами. Сѣрые Андрюшкины глаза смотрятъ такъ, какъ будто этотъ маленький господинъ прожилъ на землѣ лѣтъ 70, все знаетъ и давно уже ничему не удивляется. Боясь, что его раздавятъ въ толпѣ, ребенка посадили на стулъ спиною къ елкѣ, онъ обернулся, серьезно посмотрѣлъ на нее съ полминуты и, философски утеревъ носъ, тихо спросилъ:

— Гостинцевъ, слышь, дадутъ?

— Дадутъ...

Андрюшка кивнулъ головой и больше не пожелалъ говорить. Онъ сидѣлъ на стулѣ, для прочности держался за него руками и серьезно, не мигая глазами, смотрѣлъ, какъ изъ двери къ нему шли и шли одинъ за другимъ ребяташки. Какая то дѣвица однихъ лѣтъ съ Андрюшкой, увидавъ толпу народа, взревѣла источнымъ голосомъ:

— Къ ма-амѣ ме-еня-а!

Одинъ изъ распорядителей взялъ ее на руки и понесъ къ елкѣ, уговаривая не плакать и обѣщая дать гостинцевъ, подарить на платьѣ. Это сразу успокоило ее.

— Много дашь гостинцевъ? — освѣдомилась она, плача и недовѣрчиво поглядывая въ лицо распорядителя.

— Мѣшокъ...

— А на платьѣ?

— И на платьѣ...

Она вздохнула, помолчала и снова спросила:

— Не обманешь?

... Раненько въ шесть то лѣтъ отъ роду
знать, что люди обманываютъ другъ друга?
Неправда ли?

— Тебя какъ зовутъ? — спросили одного
мальчика лѣтъ семи отъ роду, стоявшаго,
заложивъ руки назадъ и поднявъ кверху го-
лову. Онъ поводилъ курносимъ носишкой,
точно разнюхивая что то, и глазенки у не-
го блестя бейко, умно. Одѣтый въ лох-
мотья, онъ бросался въ глаза своей свобод-
ной позой.

— Петькой... а что?

— Такъ... Грамотный?

— Нѣту... а рази только грамотнымъ гостин-
цевъ дадутъ? — обезпокоился Петька.

— Нѣтъ, всѣмъ дадутъ...

— То-то!

— Ты съ кѣмъ пришелъ?

— Одинъ...

— Мать-го есть у тебя?

— Есть... да она севонни опять пьяная...

Онъ сказалъ это просто, — очевидно давно
уже привыкъ къ слабости своей матери. И
его слова не возбудили никакого вниманія
у сосѣдей, — такихъ-же, какъ онъ самъ, ма-
ленькихъ, грязныхъ, полуодѣтыхъ людей, —
для нихъ тоже, должно быть, не рѣдкость
пьяная мать.

Такихъ дѣтей, мудрыхъ и равнодушныхъ,
больныхъ рахитомъ, истощенныхъ дурнымъ
питаніемъ, пропитанныхъ плѣсенью подва-
ловъ, несчастныхъ, жалкихъ — было 500.
Да безъ билетовъ пробралось въ залъ нѣ-
сколько десятковъ, да на улицѣ, у дверей
въ думу стояла на морозѣ густая толпа
ихъ... Въ залѣ они, — ошеломленные видомъ
столовъ съ подарками и красивой, блестящей
елки, невиданной ими быть можетъ никогда
до этого дня, густымъ пестрымъ потокомъ
долго ходили вокругъ столовъ, всѣ такіе
маленькіе, немножко угрюмые, очевидно,
чувствуя себя неловко въ громъ музыки и
предъ лицомъ всѣхъ этихъ „барынь“, съ
грустнымъ любопытствомъ смотрѣвшихъ на
нихъ. Ходили они — и отъ нихъ по залѣ
думы распространялся густой запахъ — за-
пахъ давно невытаго бѣлья, потнаго тѣла,
подвальной сырости... Пять сотъ паръ глазъ
жадно и внимательно присматривались
къ сапогамъ и кускамъ ситца на столахъ и,
навѣрное, заранѣе намѣчали себѣ желаемое.
Въ этомъ молчаливомъ хожденіи вокругъ
столовъ было что-то до такой степени гру-
стное, отъ чего у взрослыхъ сердце болѣзнен-
но сжималось и слезы выступали на глаза.

Гремѣла музыка, пѣлъ хоръ пѣвчихъ мальчиковъ и пятьсотъ паръ маленькихъ ногъ, обутыхъ въ полуразвалившіеся сапоги и башмаки, шаркали по полу...

Когда роздали подарки, нѣкоторые изъ дѣтей тутъ же принялись ѣсть калачи, и ѣли ихъ съ такой жадностью! Нѣкоторые, получивъ подарокъ въ видѣ пары сапогъ или куска ситца на рубаху, крѣпко прижавъ его къ груди, начали какъ-то странно метаться по залѣ, точно спрятаться хотѣли, точно боялись, что подарокъ отнимутъ у нихъ. Сколько лицъ было озарено счастливыми улыбками, сколько дѣтскихъ глазъ загорѣлось яркимъ огнемъ удовольствія! Раздалось веселое шелканье орѣховъ, въ воздухѣ замелькали оборванные бумажки съ конфетъ. Ребятишки оживились, слышался смѣхъ, веселые крики.

— У тебя сколько конфетъ въ мѣшкѣ?— спрашиваетъ одинъ другого.

— Шашнапать... здорово даютъ, черти!

Двое татарчатъ, сидя на полу, примѣривали полученные въ подарокъ сапоги. Одному изъ нихъ сапоги оказались малы, и онъ, грустно вертя ихъ въ рукахъ, оглядывался вокругъ, ища чего-то. Вотъ идетъ мальчуга съ большими вятскими котами подъ мышкой. Татарченкокъ остановилъ его, они о чемъ-то поговорили... и коты на ногахъ татарченка, а его сапоги въ рукахъ русскаго мальчугана. Оба довольны и смѣются, глядя въ глаза другъ другу... Много было хорошаго на этомъ славномъ дѣтскомъ праздникѣ, много такого, что умиляло душу, много трогательно-дѣтскаго, по-дѣтски чистаго и наивнаго, по-дѣтски смѣшнаго...

Но все-таки,—больше грустнаго. Подумайте, господа, вѣдь эти 500 дѣтей, быть можетъ, лишь одна десятая всѣхъ полунищихъ ребятишекъ нашего города! И—подумайте,—что ждетъ ихъ въ будущемъ! Они будутъ пьяницами, по примѣру родителей, они едва-ли будутъ когда-либо полезными членами общества. Нѣтъ, вѣроятно—они будутъ членами колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Счастливейшіе изъ нихъ—умрутъ отъ истощенія, отъ заразныхъ болѣзней, отъ побоевъ пьяныхъ отцовъ.

Огромное большинство изъ этой массы дѣтей—неграмотно, и едва-ли получить возможность научиться грамотѣ уже по одному тому, что имъ не въ чемъ ходить въ школу, не на что купить книгъ и, наконецъ, потому, что тѣ изъ нихъ, которые постарше, являются рабочими членами семьи—

няньками и воспитателями своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ.

Нашъ городъ—на рѣдкость отзывчивый городъ. Вотъ мы видимъ, что въ короткій срокъ, въ какую-нибудь недѣлю времени устроены двѣ огромныя елки слишкомъ на 700 дѣтей, для чего разными лицами пожертвовано свыше 500 руб. деньгами да, навѣрное, на такую же сумму сластей, ситца, обуви и разныхъ мелочей. Почти каждый день мѣстныя газеты публикуютъ воззванія къ добрымъ людямъ о помощи разнымъ вдовамъ и сиротамъ—и добрые люди даютъ свои рубли и вещи. Все это очень хорошо, все это указываетъ на большую чуткость сердца мѣстной публики.

Но все это не то, что нужно. А нужно организовать правильную помощь, правильную и солидную. Городу положительно необходимо устроить участковыя попечительства о бѣдныхъ и выработать широкій планъ помощи бѣднякамъ и главное—ихъ несчастнымъ и полуголоднымъ дѣтямъ. Вопросъ объ участковыхъ попечительствахъ—назрѣвшій вопросъ, и онъ долженъ быть разрѣшенъ возможно скорѣе. Какъ вездѣ—и въ дѣлѣ помощи необходима экономія силъ, порядокъ, забота о сохраненіи энергіи добра, если можно такъ выразиться. На тѣ же средства, которыя обыватель даетъ по воззваніямъ газетъ, возможно устроить болѣе существенную и правильно поставленную помощь бѣднымъ. Участковыя попечительства при энергичномъ и умномъ отношеніи къ дѣлу со стороны лицъ, которыя пожела-ли бы работать на этой нивѣ,—несомнѣнно могли бы оказать серьезное вліяніе на улучшение пищи, жилищъ и всѣхъ вообще бытовыхъ условій мѣстныхъ бѣдняковъ.

Отзывчивость мѣстной публики на крикъ нужды является залогомъ успѣха попечительствъ и всякой правильно организованной общественной работы.

М. Горькій.